

19342

ПЕВЕЦ одной темы

ЗАМЕТКИ О ТВОРЧЕСТВЕ М. ЖИЖМОРА *

М. Янковский

Почти ни одна пьеса М. Жижмора не увидела света рампы. А между тем ряд его произведений издан, большинство из них в разное время вызвало очень положительную оценку и критики и видных деятелей театра.

Вопрос о «сценичности» возникает каждый раз, когда появляется новая пьеса Макса Жижмора. И упреки в «разговорности», «бездейственности» сыплются и на «Шекспира», и на «Бетховена», и на «Маркса». Это не мешает, однако, «Бетховену» в постановке ленинградского театра П. П. Гайдебурова стать крупным событием, далеко выходящим за рамки яркого эпизода в жизни этого театра. Это не мешает большому интересу к «Марксу» в среде не только специалистов-историков классовой борьбы, но и на театре. Потому что М. Жижмор, при всей спорности его творческого метода, сразу же привлекает одним: неукротимой страстностью, бунтарской, подчас сектантской нетерпимостью и тем внутренним напряжением в раскрытии образа героя, которое делает каждую его пьесу документом подлинной взволнованности.

Утверждение личности происходит у М. Жижмора каждый раз не в результате холодного, взвешанного «пришивания к делу» отдельных звеньев драматургического конфликта, позволяющих благополучно расставить все и вся и привести сюжет вместе с персонажами к спокойной пристани финала. Нет, М. Жижмор как бы рубит канаты, поджигает мосты, взрывает пороги. «Шекспир», «Бетховен» — это трагедии, где predetermined обреченность героя позволяет, как единственный возможный путь для великого художника прошлого, утвердить торжество идей искусства.

Жижмор берет эпоху и материал не для того, чтобы воскресить ярчайшие эпизоды из мировой истории искусства и классовой борьбы. Ему нужен один человек из этой эпохи, и его он поднимает на щит, его он проносит, как знамя, сквозь эпоху и материал, вскрывая субъективно воспринятую судьбу героя.

В этом сильные и слабые места драматургии М. Жижмора. Субъективизм в окраске «главного героя» (а в каждой пьесе М. Жижмора над головами всех персонажей гигантом вздымается фигура «главного героя») не вызывал бы возражений сам по себе. Мы не пропагандисты расчудного творчества. Мы не проповедники «созерцательного» объективизма, заставляющего художника писать «отступая» и прищипывая глаз.

Не об этом идет речь. М. Жижмор подчас, во имя конечной субъективной задачи утверждения героя, поднимает все вокруг, теряет ощущение центра тяжести.

Попробуем рассмотреть, как это происходит, потому что именно по этой линии может быть наилучшим образом понято внутреннее содержание драматургии М. Жижмора и те идейно-художественные тенденции, которые позволяют отнести ему специфическое место в нашей драматургии.

Первая пьеса М. Жижмора — «Фигуры» — полна абстрактной символики. Капитализм — игроки, а массы — шахматные фигуры. Незримо присутствующая тень великого революционера и ниспровергателя основ Адама Бертрانو вещает о неизбежном крахе капиталистического общества. Но настоящего Адама Бертрانو нет, его призрак только витает вокруг, и призрак этот материализуется в дочери крупного капиталиста Аделин Ганото, любящей бунтаря-драматурга Робенно.

Революционная символика этой пьесы уводит ее настолько далеко от задач реалистического театра, революция ее настолько абстрактна и мистически отвлеченна, что появление «фигур» можно правильно оценить, только учитывая время написания этой пьесы и общий характер только оперяющейся советской драматургии тех лет. Ее

должно рассматривать только в плане обозрения творческих путей М. Жижмора, несомненно идущих в этой пьесе от разнородных влияний театра и Блока и Пираделло.

Можно было бы здесь не останавливаться на этой пьесе, если бы не одна черта в этой пьесе, которая пройдет по всей драматургии М. Жижмора, типичного «автора одной темы» в лучшем смысле этого понятия. Эта черта — сверхмасштабность личности «главного героя», стирающей представление об обычных, реальностью определенных, уровнях. Она ясно выражена во взгляде на искусство, выдвигаемом от имени автора драматургом Робенно:

— «Миру не нужны ни я ни вы, когда мы не мир, когда в нас не бьется огромная жизнь. Ни я ни вы не можем жить такую (жест) жизнью, ни в жизни ни на подмостках: наши жизни только наши, наши позы только для немногих. И их (показывая на публику) мы больше волновать не можем. Так дайте же им, собравшимся вместе, жить одной жизнью. Какая радость! ты пьешь соседа душу — в восторге ты и он... Одна душа, огромная душа. Она раздвинула стены театра и звучит в переулках, на улицах, на площадях... Одна душа, огромная душа. Она поет в полях, на заводах, в шахтах... Тяжелый труд игрою стал, ибо, как влюбленные кольцами, обменялись мы душами... Слышите? Звучит, звучит. Одна душа, огромная душа».

Это тяготение к человеческой силе, которая способна захватить величайшие массивы и повести за собой, чтобы стала «одна душа, огромная душа», — несомненно определило «адреса», к которым в поисках материала обратился М. Жижмор. Так рождаются «адреса» «Джиконды», «Бетховена», «Шекспира», «Маркса».

Выше сказано было, что М. Жижмор субъективно, более того, я бы сказал, интимно воспринимая своего героя, разворачивает его образ, теряя при этом чувство перспективы, которое можно найти, только исходя от объективно воспринятой и понятой среды и порожденных ею сил.

В чем это выражается?

Наиболее характерно эта черта сквозит в «Шекспире».

Из многочисленных теорий о подлинном авторе произведений Шекспира М. Жижмор, открещиваясь от сына стратфордского мясника Вильяма Шекспира и игнорируя Бекона, горячо ухватывается за одну из самых спорных гипотез, приписывающих авторство шекспировских пьес Роджеру Ретленду.

Увлеченный личной проблемой избранного им героя, вытекающей из драматических эпизодов восстания феодалов, руководимого Эссексом, восстания, связанного с именем Роджера Ретленда, — М. Жижмор, не замечая при этом противоречий между классовыми чертами творчества Шекспира и политической целеустремленностью Ретленда и его друзей, пренебрегает и некоторыми возражениями «антиретлендистов», вытекающими из исследования биографии этого претендента на «шекспировский престол».

Это происходит, однако, не в силу желания придать Шекспиру несвойственные ему черты или затушевать его социальный облик.

М. Жижмор, напротив, наделяет своего Ретленда чертами бунтаря, идущими от основных социальных мотивов творчества Шекспира, к тому же прошедшего сквозь призму индивидуальной оценки воплощения «одной темы».

Читатель (зритель) ощущает непереносимый густок боли и гнева, перед ним матающаяся личность оппозиционера, бичующего Елизаветинский двор и его прихвостней и оружием искусства в пензмерно большей степени, нежели мечом, пытающегося разрушить не систему, а тупик, в котором он оказался при ней.

* Из предисловия к сборнику пьес М. Жижмора, выходящему в Лен. изд-ве писателей.